Арест и суд, 1972-1973 годы. Воспоминания Н.Г. Батурина

Арестован я был в электричке, когда направлялся в Ростов-на-Дону. С братом, служителем мы вместе ехали из Шахт по делу. Нужно было переправить груз некоторый. Я попросил брата помочь, но на полдороге он должен был сойти с электрички, мы назначили встречу с ним в Ростове. И как только он от меня отделился, отошёл, подсел человек с уголовного розыска, так развалился на сиденье передо мной. Чувствовалось, что он не простой пассажир. Я особо не придал значения ему. Достал книгу, один брат дал мне её прочесть, но так и не пришлось её прочесть всю называется "Песнь творения" (*автор Фредерик Беттекс*). Я её немножко почитал, но трудно было сосредоточиться на чтении, я отложил её. Не доезжая до главного вокзала, в Ростове, на Товарном, на Сельмаше, подходят ко мне ещё двое или трое. И один из них указывает на мою сумку, говорит: "У нас вчера пропала такая же сумка, и мы должны вашу сумку проверить. Пройдёмте с нами. Мы из уголовного розыска". Я встал, пальто висело на вешалке в электричке, как обычно. Они взяли моё пальто, взяли мою сумку, и в тамбур вышли и за руки меня взяли. Один из них хотел руки завернуть назад, а другой остановил его и говорит: "Не надо!". Но всё равно держали за руки.

Сошли со ступенек вагона, и уже тут стояла "Волга", готовая машина. Сразу сели в неё, один с одной стороны, другой с другой стороны. Впереди один, и ещё, кажется, четвёртый втиснулся на заднее сиденье. Сразу один из них задал вопрос: «Кто это был с вами?» и по имени, отчеству называет меня. Они говорили, что случайно задержали, а в машине по имени и отчеству назвали и спрашивают: "Кто был с вами? Коломийцев?" Я промолчал, ничего не сказал. Это был не Коломийцев, а другой брат. Вот это их и встревожило в момент ареста. Чувствовалось, что они хотели взять меня, чтобы никто не знал, так было всё обставлено. А, когда они заметили, что рядом со мной ехал брат, ещё там по дороге один брат подсаживался тоже, беседовали мы,

втроём даже ехали. И, когда они сошли, а я остался один, они меня арестовали. И их беспокоило: "Кто же это ещё был с тобой, кто с тобой ехал?".
Посадили в машину и прямо привезли в КГБ. Там у них есть следственный изолятор свой маленький и камера предварительного заключения в этом следственном изоляторе, всё вместе там. Но они сразу меня завели в кабинет, на втором или на третьем этаже, и там уже сидят кэгэбисты, которые раньше со мной беседовали, вызывали меня через милицию.
- Ну вот, Николай Георгиевич, ты не ожидал, что попадёшь к нам? А мы тебя ожидали.
Один из них, видимо, старший, они в гражданской одежде, сразу говорит:
- Ну, доставай, что у тебя есть в карманах, везде.
Сумку проверили. Они же сами и принесли начальнику и положили эту сумку. Проверили сумку, карманы. И у них уже на столе лежит бюллетень, девятый номер Совета родственников-узников сообщение о Ване Моисееве. А у нас в Церкви ещё этого бюллетеня нет, только, видимо, привезли и не успели раздать. Не знаю, в Ростове в то время роздан был или нет, но там уже был он. И они по этому бюллетеню начали спрашивать о его распространении. Я по возможности старался уклоняться от ответов. Так они со мной беседовали весь тот день, примерно в 12 часов дня они меня туда привезли, и до самого вечера беседовали. **Это было 7 октября 1972 года.**
Они старались предъявить свои условия, обещали, что ничего мне не угрожает, ни арест, ни задержание, а это задержание не считается арестом.

- Только согласитесь на сотрудничество с нами и пойдёте на свободу.

И очень интересовались, знает ли кто о моём аресте. Те из уголовного розыска напрямик спрашивали о том, кто был со мной, а эти уже так не спрашивали. От меня хотели узнать, знает ли кто о том, что я задержан. Я говорю:
- Может быть и знают…, - так ответил, неопределенно. И они были в растерянности. Это как раз был субботний день. К вечеру они не пришли ни к каким результатам. От меня ничего не получили положительного. Выпускать меня нельзя, по их мнению. Сдают меня в КПЗ и уже в КПЗ охранники провели доскональный обыск, всё пересчитали и литературу, какая была у меня. А те, кто меня задерживал в общем просмотрели что у меня есть в сумке, в карманах и всё забрали и передали в КПЗ. Нашли они у меня только фотокарточку Вани Моисеева, которая их заинтересовала, стали спрашивать:

- Где и кто передал эту вот фотокарточку?

Я тоже уклонился от ответа на этот вопрос. А обыск в КПЗ производили тщательный, особенное внимание уделяли бумажкам. Формат каждой бумажки замеряли линейкой, с какого слова начинается, каким словом заканчивается, всё подробно. У меня ничего с собой такого не было, к чему бы они могли придраться. Были старые лекции библейских курсов, я хотел кому-то передать, чтобы машинистки перепечатали. И в основном груз был такой, на гектографе размножен "Самоучитель игры на гитаре" нашими братьями, 60 экземпляров было. Как-то так получилось, что никто из молодёжи не интересовался в наших краях этим самоучителем. И я взял, чтобы где-то там в центре России распространить, но оно такое всё безобидное. Библия со мной была и книга Бетекса "Песнь Творения". И ещё две, три книги какие-то было и с библейских курсов рукописи.
Сотрудничать они предлагали в том отношении, чтобы оформить регистрацию общин Ростовской

области. Не допускать, чтобы заграницу распространялись какие-то слухи о гонениях на наше братство, в частности документы родственников-узников, чтобы не допускать эти сведения туда, за рубеж. В смысле печати ещё они предъявляли требования, чтобы прекратилась печать, издание духовной литературы издательства "Христианин". И арест не будет считаться арестом, если буду помогать, содействовать этому, чтобы прекратилась отправка писем за границу, чтобы прекратилось печатание духовной литературы. А в отношении регистрации, чтобы не было никаких нарушений законодательства о религиозных культах. Это первое, то, чтобы не допускать нарушения законодательства о религиозных культах. Второе, чтобы не допускать сообщений о гонениях, чтобы они не распространялись никуда, за пределы (СССР). И третье, чтобы прекратилась печать. Можно же сделать и легальным путём, чтобы было разрешение, как во ВСЕХБ. Вот такой путь предлагали. И самое важное для них, чтобы я дал согласие на то, чтобы нелегально с ними встречаться тайными путями. Я на это не дал согласие. И отправили меня в КПЗ. На другое утро, в воскресенье, вызывают меня в тот же кабинет, в управлении, и говорят:
- Ну вот, Николай Георгиевич, уже Ростовская Церковь молилась о вас.
Я думаю: "Слава Господу, значит, тот брат уцелел и сумел сориентироваться и понять, что меня уже нет на свободе и передал Церкви, чтобы молились". Там уже и в Шахтах стало известно, поехали меня искать, жена и друзья.
Так они меня продержали три дня в этом КПЗ. На третий день, в понедельник говорят:
- Вот остается всего несколько часов, подумайте. И мы передадим вас вашему следователю, если не дадите согласия, то передадим.
А дело-то уже возбуждено еще с 70-го года. По истечении времени предупреждают, что остаётся уже несколько часов подумать, если дадите согласие, то будете на свободе и никаких обвинений вам не будет предъявлено. И, когда истёк этот срок они передают меня следователю, приезжает следователь из Шахт, который вёл моё дело, но оно было приостановлено, в связи с тем, что меня не нашли. А дело было открыто двумя годами ранее, в 1970-м году ещё было заведено. Они меня вызывали и раньше, после освобождения, после того срока, они меня вызывали несколько раз. И однажды вызвали, и говорят, напрямую уже поставили вопрос:
- Мы полтора года знакомились с вами, вы с нами познакомились, а теперь...
И те же самые условия сотрудничества ставят передо мной. Это было в октябре 1970-го года. Резко они поставили вопрос:
- Теперь уже нам знакомиться не нужно, мы знаем друг друга, подумайте об этом и после ноябрьских праздников придёте и ваше окончательное решение скажете нам.
Назначили 9 или 10 ноября после праздника явиться и я с этого времени уже воздержался, домой не стал появляться. И 24 ноября 1970 года они засекли где-то меня в автобусе, что я въехал в город. И на следующий день, это 23-го ноября я приехал, а 24-го, как я помню, сразу в шести домах обыск, в том числе и в моей квартире. Ко мне мальчик прибегает и сказал, что у нас был обыск. Забрали духовную литературу, а меня не оказалось. Но это уже было для меня окончательным сигналом, потому что производящий обыск объявил, что возбуждено уголовное дело по 142-й статье. Мне было понятно, откуда это пришло. Они потребовали от меня ответа, и в связи с тем, что я не явился по их вызову, они передали дело в прокуратуру и произвели обыск.
А потом были вызваны на допрос некоторые братья и сестры. Между прочим, у них было запланировано это дело на других братьев. Здесь был у нас раньше один пресвитер Иван

Иванович. И потом, когда я знакомился с делом, выяснилось, что и на Ивана Ивановича было намерение. Сначала они создавали это дело на Ивана Ивановича. Галю вызывали на допросы, сына Ивана Ивановича, он ещё молоденький был, подросток Ваня Андрюшин, его вызывали, и других. Понятно там, что на Ивана Ивановича они собирали материал, а потом уже, когда так у них получилось, что меня нужно было репрессировать, они переключили весь этот материал на меня.
У нас проходил праздник жатвы, пришла милиция, дружинники, потребовали прекратить, но не мешали, не препятствовали служению, а там где-то хозяина дома вызвали, поговорили, составили протокол, и в протоколе не указали никакой фамилии, виновного в этом "сборище", так они называли собрание, только хозяину сказали, а хозяин говорит: "А я не имею прав запретить!" И они протокол составили, что просили всех разойтись, а верующие не подчинились, и всё, никакой фамилии не указали.
А, когда возбудили на меня дело, это месяца два спустя, этот участковый, уполномоченный, который приходил, уже называет мою фамилию, якобы он подходил лично ко мне, требовал от меня прекратить это собрание, чтобы все разошлись, а на самом деле я его даже в глаза не видел. Несколько таких свидетелей подобрали, понятых, дружинников, и все в разнобой показывают на меня. Так они сфабриковали это дело. И следователь жене моей говорил, что больше двух лет мне не угрожал срок, пусть явится домой, два года отсидит и всё. А я эти два года провёл почти полностью на служении. Так было возбуждено то уголовное дело.

Когда трое суток истекло уже после ареста, они передали меня следователю. Следователь немножко побеседовал, что-то такое записал, данные о работе, о семье, об образовании, специальности. Это первый допрос был. Все свидетели, все понятые ложно указывали на меня, а один дружинник в мою пользу показывал. Он не видел, чтобы я был в числе сопротивляющихся приказу участкового. Не видел, чтобы участковый ко мне подходил и говорил мне что-то. И с моей стороны не видел никакого неповиновения. Это же они на статью 190 сводили, неповиновение власти. Остальные, как и участковый показывали на меня.
На третий день они перевели меня из КПЗ на первый этаж, у них там был следственный изолятор. Я объявил голодовку, отказался от пищи. И ещё прошло, по-моему, дня три, когда они убедились в том, что я пищу, действительно, не принимаю, сказали собираться с вещами и перевезли меня в общую Ростовскую тюрьму. А там поместили в маленькую камеру, рассчитанную на 4 человека. И там была наседка, один вор-карманник. Ко мне человек подошёл, который со мной в одной камере сидел, не знаю, как он с нашими братьями пересекался, чувствуется, что он неверующий, и сюда попал из-за того, что приехал с братьями, братья воспользовались его машиной. Он мне сказал, кто был доносчиком в нашей камере, вор-карманник из лагеря привезённый на доследствие, что ли. Я, конечно, понимала это, старался осторожнее вести себя. Ничего они там не извлекли из этого пребывания совместно с этими людьми в камере. Но я и там объявил голодовку. Трое суток прошло и на четвертые, когда в общую тюрьму привезли, я вечером покушал.

А на другой день пришлось принять передачу, потому что я знаю, что меня ищут и хотят убедиться, где я нахожусь. И отказываться от передачи было нецелесообразно. Я принял передачу, и естественно, стал кушать уже на четвертый день. А потом как-то периодически, дня по два, по три не кушал, ну как пост и молитва. Особенно усиленная молитва была за дело

Божие, и именно за то дело, которое осталось невыполнимым, на которое мы с братом ехали. Я так усиленно просил Господа, чтобы Господь этого брата сохранил, который со мной ехал. И тот груз, которой мы рассчитывали провезти возложен на него одного. Там у нас встреча была назначена, что он с грузом подходит, а я подхожу без груза на вокзале и должны были дальше ехать. И Господь так чудно его сохранил, дал ему мудрости избежать всех этих опасностей и всё было сохранено.

И хотя кэгэбисты они сдали меня следователю, все же периодически навещали, дней через 20, примерно, или через месяц приходили. Бывало раз следователь вызывает, другой раз они приходят. Один из них, видимо, более высокий начальник новый появился, этих было двое и ещё третий появился.
Да! Ещё упустил. Или в воскресенье на второй день ареста, или в понедельник приехал их главный из Москвы. И тоже стал беседовать в присутствии ростовского, который раньше беседовал со мной. И чувствовалось, что они ему доложили, что со мной ничего не получается у них. И он немножко стал запугивать. Хотя и те запугивали, но и он тоже со своей стороны. И за Барнаул напомнил, что когда-то я приезжал в Барнаул и говорил о гонимой Церкви в Китае, ***рассказывал об одном брате****, которого арестовали, и он в камере проповедовал, и многие через него уверовали, а потом ему вырвали язык, чтобы он не проповедовал. И когда ему язык вырвали, он стал записки писать. И стоило только часовому постоять несколько часов у его камеры, как он проникался сочувствием к этому брату и старался чем-то ему помочь. Так они установили такой порядок конвойной службы, что один и тот же солдат никогда не мог больше попасть на этот пост. Только шесть часов он должен простоять, и ставили другого солдата. И всё равно он без языка передавал эти записки на свободу через этих солдат, и там уверовали по этим запискам многие души.* Это когда-то Григорий Абрамович рассказывал, он сам слушал передачи, это есть программа «Страдающая Церковь». И я рассказал, что самые сильные гонения в Китае и в Албании. В Албании один брат просидел 14 лет в узах. Он выступал и говорил о всех страдальцах, мучениках за дело Евангелия, называл многие имена, фамилии. И обличал даже немцев, немецких братьев, что они не знают имена своих мучеников за дело Божие. Даже так упрекал, что самих мучителей, гонителей Церкви Христовой и назвал их фамилии, знают, а мучеников за дело Божие не знают.
И этот рассказ стал известен им в Москве. И он с Москвы приехал и говорит:
- Что это ты там, Николай Георгиевич, в Барнауле рассказывал? Тебе обеспечено уже пожизненное заключение за все эти действия твои.
- Это всё в руках Господа, - ответил я.
Потом упрекнул, что у меня было около 130 рублей с собой, и вынимает свой бумажник, кладёт на стол и говорит:
- Вот, посчитайте, со мной не больше 70 рублей, я в командировку приехал, а у вас 130 рублей с собой в кармане!
- Ничего удивительного нет...
А у нас в тот год не урожай был на картошку и картошка дорогая, и я хотел в Ростове купить картошки для семьи. И тот местный кэгэбист подтвердил, что действительно дорогая картошка в Шахтах.
Чувствовалась сильная озабоченность, очень им хотелось, чтобы я оставался на свободе, оставался бы в Совете Церквей и сотрудничал с ними. В течение всего следствия, в течение пяти

месяцев они периодически, через 20 дней, через месяц всё время приходили.

И наконец дают мне свидание с семьёй. Ещё до того, как окончилось следствие. Приходит жена, дети. Минут 20-25 с ними дали поговорить. И только семья вышла, опять заходят эти кэгэбисты со своими предложениями. Когда я наотрез отказался, они говорят друг другу: "Ну вот видишь ему не жалко ни детей, ни жену, ничего. Он ни с чем не считается. Что мы можем поделать с ним?" И закончилась эта беседа.
Свидание с семьёй происходило в кабинете начальника режима тюрьмы, а потом вызывают меня через минут 15 следователь и предъявляет мне ещё три статьи, кроме 142-й, дополнительные три статьи. Статья 190-я неповиновение власти, пункт 1. Статья 190-я пункт 3 клевета на советский общественный и государственный строй. И 227-ю статью предъявляют. Три статьи, кроме 142. Всё время шло за проведение собрания следствие по 142 статье, а эти статьи предъявили за бюллетени про Ваню Моисеева (*Бюллетень Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов (1972 год)*). Бюллетень, как клевета на советский общественный строй. А статья 227 – отвлечение граждан от исполнения гражданского долга, от службы в Советской армии, тоже к этому бюллетеню. Там было помещено заявление отца Вани министру обороны, что если вы не расследуете факт убийства моего сына на службе в армии, то я остальных моих детей не могу допускать больше до военной службы, потому что верующих убивают. **И это приписали мне, что я призываю верующих к неисполнению гражданского долга службы в советской армии.** Доказательств моего участия в бюллетенях никак не было. Кроме фотокарточки Вани Моисеева, что у меня была. Эту фотокарточку они связали с тем бюллетенем. Отдали ее на судебно-криминалистическую экспертизу, чтобы установить сходство между этой фотокарточкой и монтажом из бюллетеня. И экспертиза дала заключение, что нет сходства изъятая фотокарточка не применялась для оформления этого бюллетеня, и не имеет связи с ним. И всё равно на суде, судья приписала, что эта фотокарточка была использована мною и созданной мной группой Совета родственников-узников для издания вот этого бюллетеня.
Статья 142-я вменена мне за собрание в начале, потом за это же собрание они дают статью 190-ю неповиновение властям, так они переигрывают один и тот же факт несколько раз и находят обвинение и по 142 статье и по 190-й, и чуть ли не по 227-й.
Я говорю:
- Ну скажите, хоть кто из соседей жаловался, было ли там нарушение общественного порядка или что-то такое, чтобы кто-то из соседей требовал приостановить это собрание?
- Нет! Нет никаких жалоб, ничего. Только то, что незарегистрирована община, и что без разрешения проводилось собрание.
Три статьи он предъявляет и просит поставить подпись. Я отказываюсь от подписи. Уже у них всё было подготовлено, вызывает двух девушек из спецчасти тюрьмы. Они подписывают, как понятые, что я отказался от подписи. И он закрывает дело, прекращает следствие. Всего четыре раза был допрос за пять месяцев, четыре допроса примерно он провёл.
Просто без каких либо фактов вменяют четыре статьи, а свидетели были только по поводу собрания Дня жатвы. Больше никаких свидетелей. Из того, что у меня было изъято, и в квартире при обыске, и в сумке при мне, ничего не пошло в дело. Не к чему было придраться. Единственное, когда меня задерживали в Иловайске, был братский листок, к этому же Дню жатвы 1970-го года, поздравление. И всё время этот братский листок фигурировал (в моём деле)

и вот это служение.
А там было сообщение об освобождении из уз Степана Герасимовича. И ещё информация об арестованных, кратко, в конце листка. Этого им было достаточно, чтобы вменить мне призыв к неисполнению законодательства, солидарность с теми, кто нарушает законодательство.

И отдают на экспертизу всё, а у меня этого ничего не было изъято. А в одной семье изъяли "Вестник спасения" номер 3 за 1973 год. Там есть стихотворение "Крепость" (*страница №1 журнала*).

Псалом Против Церкви воздвигнут вал,
Она - крепость в кольце блокады.
Сколько раз сатана бросал,
К её стенам все силы ада!

МСЦ ЕХБ - Против Церкви Воздвигнут Вал
Ссылка на песню: https://holychords.pro/14029

И так они характеризовали, что я в то время был пресвитером поместной Церкви в Шахтах, в 1973 году. И этот журнал давал читать членам Церкви. И в этом журнале тоже есть статейки о гонениях. Из того, что у меня изъято было при обыске, ничего не пошло в дело. Только вот братский листок 1970-го года, ко Дню жатвы, и этот журнал, но он не у меня изъят, а у другого брата, поскольку уже обвинение идёт косвенно такое, что якобы я был в то время пресвитером, и этот журнал читали, как он показал и на суде этот брат, что читали в Церкви, и он попросил, чтобы дали ему на дом почитать. Раз был пресвитером, значит виноват, что у тебя в Церкви такие журналы читают и что распространяются они другим членам Церкви. Настоящий пресвитер в их глазах должен пресечь такие чтения.
А взяли вот этот листок и журнал и ещё Юбилейное послание, к 10-летнему юбилею, это тоже братский листок "Да, будут все едино". Собирают эти все материалы и отправляют на экспертизу. Но у меня этих материалов не было. А, как члену Совета Церквей они предъявляют, что раз член Совета, значит должен нести ответственность за всё это вместе. Целый том, так сказать, этих братских листков и информационной литературы посылают на экспертизу в Московский государственный университет Ивану Ивановичу Бражнику. И он даёт заключение, как в целом о нашем братстве гонимой церкви, так и о самом Совете Церквей, и о всей этой литературе Совета Церквей, **что она направлена на подрыв государства, на клевету, на подрыв государственного и общественного строя, на неисполнение законодательства о культах** и так далее. Но он очень сильно там расписал с такой политической окраской, чуть ли не контрреволюция в этом движении сокрыта. Даже прокурор потом на суде не воспользовался тем, что этот эксперт выдал. Речь прокурора была более мягкая, чем это заключение эксперта. И он утверждал, на суде выступал этот эксперт, Бражник кандидат философских наук, что кандидатскую степень он защищал по теме о нашем братстве Совета Церквей. Специально у него была тема, и эту тему он защищал на соискание кандидатской степени. **И он утверждал, что при этом присутствовал Геннадий Константинович Крючков на его защите.** Это, конечно, ложь. Хотел себя характеризовать, что он всё с научной точки зрения исследовал, и даже можно было участвовать в дискуссии, когда он защищал свою кандидатскую работу. И Крючков там был, так он преподал, и он так на суде и сказал.

Когда следователь посылал эти материалы на экспертизу, он пишет постановление, что направляет изъятые у меня, при обыске, материалы на экспертизу. Я когда прочитал, то говорю:
- Это же явная ложь! Что вы у меня изъяли при обыске? Ничего, только один этот братский листок о Дне жатвы.
- Это ваше право обжаловать!
И отправил. Когда они на экспертизу отправляют материал, то готовят и сопроводительный документ, и в нём пишут, откуда это, у кого изъято и что нужно определить экспертизой.

Суд в Ростовском областном суде был в самом большом зале. В зал пустили всех, видимо, по пригласительным билетам, как я понял. Там заместитель уполномоченного по области был, сидели многие сотрудники КГБ. Друзей сначала не пускали, только несколько человек просочилось, но и то им места не дали, за задними рядами, где-то они встали. Уже начинается суд, а моих ни жены, ни матери, никого нет. Только за задними рядами стоят человек около десяти и всё. И судья, когда объявил, что объявляется открытое судебное заседание по такому-то делу, я говорю:
- Какое же это открытое заседание? Когда моих родственников и моих друзей никого не впустили!
- Как не впустили?
- Не впустили, как видите.
А там кто-то говорит, что и жена и мать были около двери, но их милиционер прогнал. И судья уже тогда вынужден был так сказать:
- Пойдите и разыщите её, пусть она вернётся.
Её уже где-то с первого этажа вернули, а потом с ней и другие вошли. Много было друзей на суде, братьев, сестер, шахтинцы, ростовчане были.
И они хотели суд в один день закончить. А я отказался от адвоката и взял защиту на себя. Мне оставалось только сказать защитительную речь. Прокурор высказался, потом эксперт, и всё. И судья, где-то часов в семь вечера, мне предоставляет слово. Я как раз был в посте. Я сослался, что я уже устал, голова болит так, что просил перерыв сделать до завтрашнего дня. И чувствуется, что не хотелось судьи перерыв делать, хотели в один день всё закончить. И по речи прокурора видно было, что прокурор сократил свою речь, сильно сократил, чтобы побыстрее закончить. А я настоял, говорю, что не могу, голова болит.
- Ну ладно! Тогда объявляем перерыв до 9 утра!
На другой день много пришло верующих, и все идут, идут сюда, эти же все по своим местам, видимо, у них указаны места. Атеисты-то сидят. А нашим верующим, где придётся, кто, где место займёт, а кто на ногах стоит. А на два ряда передних кресел офицер никого не пускает. Охрана была не милиция, а спецконвой военный. И никого не пускают, а потом перед самым заседанием молодые, здоровые мужчины, как на подбор, хорошо одеты, в гражданском, заняли эти ряды кресел. Какая-то школа у них там, или курсы какие-то специальные проходят, наверное человек тридцать или больше, зашли и заняли. И остаётся только моя защитительная речь.
Полтора часа я говорил. Все они внимательно выслушали, не перебивали и потом, когда я закончил у них началось прение сторон. Прокурор попросил слово и стал опровергать некоторые мои доводы. Я говорил, что лишён права на защиту, потому что я просил, чтобы мне дали свидание с женой, чтобы она могла подготовить некоторые документы, необходимые для защиты. Мне этого не было предоставлено. То есть после окончания следствия мне не было такого

предоставлено свидания. Теперь адвокат, которого мне назначили, слишком поздно явился, лишь за несколько дней до суда. И он не мог даже связаться с моей женой, а подал ей телеграмму. А потом я узнал, что в четверг он подал телеграмму, а жене её вручили в воскресенье вечером, а в понедельник суд утром. В самый последний момент. Ну, что ночью-то сделаешь? Утром надо ехать в Ростов, специально была задержка телеграммы. И ряд других фактов я привёл, что я лишён право на защиту. И прокурор стал опровергать:

- Мы предоставляли свидание с женой....

И ещё что-то он говорил, я уже не помню. Но свидание они предоставляли раньше в этом хитрость и заключалась. А потом, когда он высказал свои возражения, по моему слову, судья ко мне обращается:
- Вы имеете что сказать?
- Нет. Я сказал, достаточно ясно и повторяться не буду.
Потом последнее слово предоставили. И я просил, чтобы вернули изъятую духовную литературу, которая не имеет никакого отношения к этому делу. И просил, чтобы суд вынес частное определение, поскольку меня обвинили в участии в богослужении незарегистрированной общины. И, чтобы такое нарушение больше не повторилось, и, чтобы ни кого не судить за участие в незарегистрированной общине, просил дать частное определение, чтобы общины были зарегистрированы. А они принесли заявление, требовали от уполномоченных. Я ссылался, что были ходатайства от шахтинской общины о регистрации. А они шахтинскими заявлениями пренебрегли, а тут же близко, рядом Ростов, уполномоченные взяли ростовское заявление, которое вот на этих днях, уже без меня там ходатайствовали о регистрации. И там они приписку сделали, сами наши братья в конце заявления, что в смысле исполнения этого законодательства о культах, что мы только по Слову Божьему те требования будем выполнять, которые предъявляет это законодательство, будем поступать по Слову Божьему. И судья, ссылаясь на то говорит:
- Вот видите как, ваших братья ходатайствуют.
И это послужило тоже к обвинению, как призыв к неисполнению законодательства о культах. **Так вот я просил частное определение, чтобы суд его вынес и были зарегистрированы общины без всяких условий.** Но они не обратили на это внимание и вынесли приговор. По четырём статьям, по 142-й и по 227-й по три года. По статье 191 два года, и статья 193 неповиновение - один год. И по совокупности, с формулировкой "от частичного сложения, по совокупности" - 4 года. И с учётом детей, как бы смягчающий приговор. Прокурор требовал 5 лет, а судья дал 4 года учитывая, что большая семья, дети и на один год снизил срок. И ещё дети упоминались в том смысле, что судебные издержки отнести за счёт государства. Это я потом уже узнал, когда подписывал протокол судебного заседания там было указано. Не знаю, в чём они исчисляются эти судебные издержки, но вот этому эксперту, **Бражнику заплатили 28 рублей за участие в суде. 28 серебренников получил. 14 часов весь процесс шёл. Два рубля в час Бражнику заплатили.**
Когда суд закончился, **молодёжь стали бросать цветы**, а солдаты ловили, чтобы не допустить. С цветами провожали, и с цветами теперь встречали меня друзья. Сразу из суда, я же находился в Ростовской тюрьме, и вещи там все, сажают меня в машину, и уже вещи там, в машине. Везут, везут, я не пойму почему такая длинная дорога или окольными путями везли. Потом вижу, что за

город выехали, чувствую, не видно ничего, но чувствую, что за город выехали. Привозят в Новочеркасск. И тут же ещё только стали заводить, получили постели, как обычно, когда вновь прибывших принимают. И не успели зайти в камеру уже прибегают из спецчасти, и несут бумагу, чтобы расписаться о вручении приговора, в этот же день 6 марта, в 12 часов 20 минут вручён приговор. Не успели привезти и сразу вручают приговор.
Завели в общую камеру. В общей камере дня два побыл, и забирают меня в крытую, где с тюремным режимом находятся заключенные. Это в Новочеркасске, там стационарная тюрьма, где отбывают тюремные заключения. Не как следственный изолятор, а где тюремные заключения по приговору. И перевели меня в эту камеру, там два человека было, а приговор еще в силу не вступил. В камере один еврей, инженер Ростовский, тоже четыре года ему дали за то, что ходатайствовал о выезде в Израиль, а второй такой нехороший человек, видимо, он тоже как наседка там находился, потом уже этот еврей сказал мне о нём. Ну, сразу было видно, заведовал бензоколонкой, у него какая-то растрата была, злоупотребление.
По режиму. В приговоре же у меня строгий режим, и в общей камере тоже все со строгим режимом, там я и должен был сидеть. А в эту камеру привели, а тут у еврея общий режим, а у этого растратчика усиленный режим. По режимам мы не должны находиться в одной камере вместе. Но в Новочеркасске пока ожидал утверждение приговоры, пока кассационная жалоба, а это около 2-х месяцев более-менее спокойно было. И свидания можно было иметь. Потом стали готовить к отправке на этап, но не говорят куда...

Перевод в текстовый формат - источник файл MP3 - 04.Четвертый приговор 1972-1976 - Батурин Н.Г. - [53:00]

Комментарии
